

DOI 10.35775/PSI.2026.126.2.020

УДК 327.3

К.Е. ОКСИМОВ

аспирант кафедры международных отношений,
мировой политики и дипломатии, Казанский (Приволжский)
федеральный университет,
Россия, г. Казань
E-mail: Oximov@gmail.com

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ МЯГКОЙ СИЛЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Статья посвящена анализу европейской идентичности как ключевого инструмента мягкой силы Европейского Союза в условиях глубоких геополитических трансформаций последних лет. Исследование раскрывает механизмы функционирования этого инструмента, его структурные компоненты, каналы трансляции и возрастающие вызовы, которые подвергают сомнению его эффективность. В работе анализируется эволюция европейской идентичности от периода холодной войны до современности, рассматриваются ее теоретические основания в контексте концепции мягкой силы Джозефа Ная. Статья выявляет парадокс между позиционированием ЕС как нормативной силы и практикой применения «эффекта Брюсселя» – экономического давления для навязывания европейских норм третьим странам. Критические вызовы для Европейской идентичности как мягкой силы включают кризис идентичности ЕС, отступление США от поддержки либеральной демократии, противоречия между национальным и европейским суверенитетом, а также растущий скепсис и недоверие к европейскому нормативному проекту. Исследование показывает, что будущая эффективность европейской идентичности как мягкой силы зависит от способности Европейского Союза переосмыслить собственную роль, интегрировать стратегическую автономию, восстановить доверие к концепции европейской идентичности и разработать адаптированные механизмы трансляции ценностей в условиях активно меняющегося миропорядка.

Ключевые слова: международные отношения, европейский союз, ЕС, европейская идентичность, идентичность, интеграция, политика, мягкая сила.

Европейская идентичность представляет собой многоуровневую систему ценностей, норм и культурных практик, которая служит фундаментальным инструментом мягкой силы Европейского Союза в международных отношениях. В контексте глубоких геополитических трансформаций, начавшихся с 2022 года или даже ранее, и в особенности со становлением Д. Трампа президентом США в 2025, когда традиционное американское лидерство в продвижении демократических ценностей заметно ослабевает [20], европейская идентичность способна приобрести исключительную роль как механизм проецирования влияния и формирования глобального порядка.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов, близких к данной предметной области [1-11; 13-16].

Однако проблему европейской идентичности как ключевого инструмента мягкой силы Европейского Союза в условиях глубоких геополитических трансформаций последних лет нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Если отталкиваться от понятия «мягкой силы», введенного в научный дискурс Джозефом Найем в конце XX века, мы определяем мягкую силу как способность влиять на других путем достижения желаемых результатов посредством сотрудничества, а не принуждения. Эта концепция основана на предположении либеральной парадигмы, что в демократических обществах влияние часто осуществляется через привлекательность идей, культурных ценностей и политических институтов, а не через военную силу или экономическое давление [26]. Применительно к Европейскому Союзу мягкая сила исторически рассматривалась как основной инструмент международного влияния, поскольку ЕС декларировался как экономический проект и инструмент продвижения демократических норм в условиях холодной войны [20].

Европейская идентичность, в свою очередь, представляет собой комплексный социально-политический конструкт, который формировался на протяжении десятилетий интеграционного процесса в рамках Европейского проекта. Согласно положениям Лиссабонского договора, Европейский Союз основан на ценностях уважения к человеческому достоинству, свободе, демократии, равенству, верховенству права и правам человека, включая права представителей меньшинств [26]. Эти конституционные принципы формируют основу нормативной мощи Европейского Союза, то есть его способности влиять на мировой порядок посредством установления и защиты определенного набора ценностей и норм. Однако европейская идентичность не является монолитной категорией; это скорее многоуровневая система, которая сочетает национальные идентичности с наднациональной европейской идентичностью, интегрируя культурное многообразие с общими политическими и нравственными принципами [24].

Становление европейской идентичности как инструмента международного влияния следует рассматривать в контексте исторического развития Европейского проекта. После завершения Второй мировой войны европейские государства, осознав разрушительность национализма, предприняли попытку создания наднациональной системы интеграции, которая была бы основана на общих ценностях демократии, верховенства права и экономического сотрудничества. Этот проект, первоначально носивший более узкую экономическую направленность, постепенно трансформировался в комплексное политическое и социальное предприятие, которое распространяло влияние не только через экономические механизмы, но и через трансляцию определенного набора культурных и политических норм.

Во второй половине XX века европейская идентичность консолидировалась вокруг таких центральных концепций, как «мягкая сила», гражданское участие, мультикультурализм и социальное государство [26]. Эти элементы создали образ Европы как альтернативы американской модели, которая часто рассматривалась как более милитаристская и прагматичная. Притягательность европейской модели для стран третьего мира заключалась в ее кажущейся способности сочетать современность с социальной справедливостью, экономическую эффективность с защитой окружающей среды, национальное разнообразие с политической стабильностью. Однако следует отметить, что это восприятие строилось частично на реальности, а частично на тщательно сконструированном нарративе, который транслировался через различные каналы культурной и политической дипломатии.

Период с конца холодной войны до начала 2010-х годов можно охарактеризовать как период максимального влияния европейской идентичности как инструмента мягкой силы. В этот период Европейский Союз казался победителем истории, а его модель интеграции рассматривалась как образец для подражания во многих регионах мира. Вхождение восточноевропейских государств в ЕС было воспринято как триумф европейской идентичности и демократических ценностей над авторитаризмом. Тем не менее, именно в этот период начали накапливаться структурные противоречия, которые к концу 2010-х годов привели к кризису идентичности Европейского Союза [17].

Европейский Союз разработал целый комплекс институциональных механизмов для защиты и продвижения европейской идентичности, особенно в условиях возрастающего давления со стороны, как их называют в самом ЕС, «авторитарных режимов» и так называемых «несогласованных» демократий. Европейский совет и Европейская комиссия приняли серию инициатив, направленных на защиту демократических ценностей и норм, которые являются ядром европейской идентичности. В 2025 году ЕС представил Европейский щит демократии, который содержит три столпа действия: защита целостности информационного пространства, укрепление институтов, выборов и свободных независимых средств массовой информации, и повышение устойчивости общества и гражданского участия.

Этот щит, как объясняет Европейская комиссия, направлен на борьбу с иностранной информационной манипуляцией и вмешательством, а также с дезинформацией, укрепляя способность ЕС обнаруживать, анализировать и активно противодействовать угрозам для демократии. Принятие этой инициативы свидетельствует о глубоком понимании Европейским Союзом того, что защита демократических норм, лежащих в основе европейской идентичности, требует не только внутривнутриполитических мер, но и активного противодействия внешним угрозам. Фактически, можно утверждать, что в контексте американского отступления от поддержки демократии на глобальном уровне Европейский Союз взял на себя роль «основного защитника демократических ценностей на международной арене» [19].

Европейская служба внешних действий (EEAS) функционирует как дипломатическая служба ЕС, ответственная за проведение внешней политики и защиту европейских интересов и ценностей в многостороннем контексте. Через систему делегаций и представительств по всему миру EEAS проводит культурные обмены, образовательные программы и специализированную дипломатию, направленную на продвижение норм и ценностей европейской идентичности [21]. Эта структура позволяет Европейскому Союзу поддерживать постоянное присутствие в стратегически важных регионах, осуществляя долгосрочное воздействие через различные каналы культурной, образовательной и политической дипломатии.

Несмотря на развитие эффективности европейской идентичности в качестве инструмента мягкой силы, начиная с конца 2010-х годов этот инструмент столкнулся с множеством вызовов, которые подвергают сомнению его будущую жизнеспособность. Первый и наиболее фундаментальный вызов имеет сама суть идентичности. Европейский Союз переживает глубокий кризис самоопределения, во время которого его самовосприятие как нормативной силы все чаще подвергается сомнению как внутри, так и снаружи [17]. Европа исторически воспринимала себя как экономическое образование и инструмент продвижения демократических ценностей, делегировав военную защиту Соединенным Штатам. Однако это самовосприятие основывалось на предположении, что Соединенные Штаты останутся надежным партнером в защите общих демократических норм и международного правового порядка [18].

С приходом администрации Дональда Трампа в 2025 году и его последующим отступлением от поддержки либеральной демократии на глобальном уровне это предположение оказалось ошибочным. Администрация Трампа активно воздействовала на европейские государства, оказывая поддержку крайне правым партиям и авторитарным деятелям, которые большинство европейцев рассматривает как угрозу либеральным демократическим нормам.

Эта переориентация американской политики вынудила Европейский Союз переосмыслить собственную роль на глобальной арене и осознать, что он больше не может полагаться на американское военное и политическое покровительство в защите собственной идентичности [20].

Второй вызов связан с разделением между внутриевропейскими ценностями и способностью Европы последовательно защищать эти ценности на глобальной арене. В частности, реакция Европейского Союза на конфликт в Газе, который, согласно заключению комиссии Организации Объединенных Наций, может быть квалифицирован как геноцид, подверг сомнению доверие к европейской идентичности как основы мягкой силы. Многие государства за пределами Европы восприняли позицию ЕС как причастность к массовым человеческим страданиям, что существенно подорвало образ Европы как защитника прав человека и международного права [19].

Третий вызов вытекает из трансформации характера мировой политики в направлении отхода от правил-ориентированного международного порядка.

Канадский премьер-министр Марк Карни в своей речи на Давосе в 2025 году подчеркнул, что «мы находимся в условиях не просто переходного периода, а глубокого разрыва в международной системе, при котором традиционные инструменты мягкой силы теряют свое влияние». Великие державы все чаще используют торговлю, финансирование, цепи поставок и тарифы как инструменты принуждения, а не сотрудничества, что подрывает эффективность мягкой силы, которая исторически была основана на предположении о добросовестном соблюдении общих норм и правил [22].

Четвертый, структурный вызов заключается в том, что европейская идентичность, исторически сформировавшаяся вокруг экономической интеграции и культурного плюрализма, находится в глубоком противоречии с необходимостью политической и военной интеграции, которая требуется для того, чтобы Европа действовала как независимый геополитический игрок. Европейская идентичность была сконструирована таким образом, чтобы избежать милитаризма и авторитаризма национальных государств, однако в настоящий момент европейским государствам требуется именно большая военная способность и более централизованная структура принятия решений. Это создает фундаментальное противоречие: превращение Европейского Союза в серьезный военно-политический блок может подрвать саму европейскую идентичность, которая традиционно определялась в идеологическом противопоставлении милитаризму и авторитаризму.

Пятый вызов связан с внутриевропейским разнообразием и возрастающей популярностью крайне правых и национально-ориентированных партий, которые активно подвергают сомнению универсальность и желательность европейской идентичности. В то время как традиционные европейские элиты воспринимают европейскую идентичность как естественное развитие исторического прогресса, значительные сегменты европейского общества, особенно в восточно-европейских странах, рассматривают ее как внешнее навязывание, которое угрожает национальному суверенитету и культурной самобытности. Этот конфликт между космополитическим видением европейской идентичности и национально-ориентированным видением представляет собой исключительно сложную проблему, которую Европейский Союз не разрешил [19].

Хотя Европейский Союз официально представляет себя как нормативная сила, которая предлагает миру альтернативную модель организации, основанную на демократии, верховенстве права и защите прав человека, на практике часто происходит нечто совершенно иное. Существует процесс, получивший название «эффект Брюсселя» (Brussels Effect), который демонстрирует, что глобальное принятие европейских норм часто достигается не через органическую привлекательность этих норм, а через экономическое давление и правовую асимметрию [23].

Прототипом этого явления служит Генеральное регламентирование по защите данных (GDPR), который был представлен как инструмент защиты приватности и прав личности, однако в действительности функционирует

как механизм наднационального регулирования, который склоняет третьи страны принимать европейские стандарты или те теряют доступ к европейскому рынку. Аналогично, Директива о цифровых рынках функционирует как инструмент экономического давления, которое затрудняет инновационную деятельность в странах, не входящих в ЕС, и в определенной степени даже в самом ЕС. Критики утверждают, что это представляет собой форму «нормативного империализма», при котором ЕС использует свою рыночную власть для навязывания своих правил за пределами своих границ, независимо от последствий для инноваций, суверенитета или справедливого цифрового управления.

Примечательно, что в то время, как Европейский Союз утверждает, что его норм принимаются добровольно благодаря их внутренней привлекательности, на деле часто ситуация является противоположной. Юрисдикции, не имеющие достаточной рыночной силы, чтобы противостоять экономическому давлению ЕС, вынуждены принимать европейские стандарты, даже если они не соответствуют их собственным приоритетам и условиям развития [23].

Начиная с 2022 года, когда Россия начала специальную военную операцию на Украине, Европейский Союз вступил в период глубокой геополитической переориентации, которая существенно повлияла на роль европейской идентичности как инструмента мягкой силы. Хотя исторически Европейский Союз позиционировал себя как противник силовых методов и сторонник мирного разрешения конфликтов, конфликт в Украине вынудил ЕС пересмотреть свои фундаментальные предположения относительно международной безопасности и роли военной силы в защите демократических ценностей [12].

Координированное действие Европейского Союза в поддержку Украины, несмотря на наличие внутренних противоречий, включая позицию Венгрии, которая часто противостояла мерам против России, демонстрирует возможность эффективного политического решения и единства, даже в условиях несовершенного конституционного порядка и разногласий. Однако этот пример также показывает, что эффективность европейской идентичности как инструмента коллективного действия существенно ослаблена структурными проблемами принятия решений в ЕС и разрывом между амбициозными нормативными целями и ограниченными практическими возможностями [19].

Процесс расширения ЕС, в частности переговоры о присоединении Украины и других кандидатов, представляет собой критическое испытание способности европейской идентичности адаптироваться и остаться притягательной в условиях быстрого геополитического изменения. Предложение ускоренного членства на основе временных ограничений прав, включая приостановку права голоса и права вето, пока не будут выполнены все условия интеграции, демонстрирует готовность ЕС пожертвовать принципом полного равенства членов в обмен на стратегическое расширение. Это вызывает глубокие вопросы о том, остается ли европейская идентичность, основанная на принципах равенства и универсальности, жизнеспособным инструментом, или она вынуждена становиться более прагматичной и разделенной в своей иерархической структуре [25].

В контексте глубоких геополитических и технологических трансформаций, происходящих как минимум с 2022 года, будущее европейской идентичности как инструмента мягкой силы зависит от способности Европейского Союза преодолеть серию критических вызовов и противоречий, которые были выявлены в этой статье.

Первое, что требуется, – это переосмысление того, что означает европейская идентичность в условиях, когда ЕС больше не может опираться на американское покровительство и должен развивать собственную военную и стратегическую автономию. Это переосмысление должно быть проведено таким образом, чтобы сохранить показательно-демократический и гуманистический характер европейской идентичности, одновременно интегрируя компоненты стратегической мощи и военной способности.

Второе требование – это восстановление доверия к европейской идентичности посредством демонстрации согласованности между провозглашаемыми ценностями и практическими действиями. Европейский Союз должен разработать более последовательную и принципиальную позицию в отношении глобальных вызовов, особенно в вопросах нарушений прав человека и международного права, которые не соответствуют его собственным интересам в немедленной форме. Это означает готовность нести высокие экономические и политические издержки ради защиты принципов, которые лежат в основе европейской идентичности.

Третье – это укрепление внутриевропейского единства и согласия вокруг фундаментальных ценностей европейской идентичности, при одновременном уважении национального разнообразия и суверенитета. Европейский Союз должен разработать нарративы и практики, которые демонстрируют, что европейская идентичность не является угрозой национальной идентичности, а скорее дополняет ее, создавая пространство, в котором различные национальные культуры могут процветать в условиях общих демократических норм и принципов.

Европейская идентичность остается мощным инструментом мягкой силы Европейского Союза, однако ее форма, содержание и эффективность находятся в состоянии глубокого переосмысления и кризиса в условиях геополитических трансформаций, происходящих с 2022 года, а возможно и ранее. На протяжении десятилетий после холодной войны европейская идентичность функционировала как инструмент продвижения демократии, верховенства права и прав человека в условиях гегемонии Соединенных Штатов, которая была, по крайней мере номинально, приверженной аналогичным ценностям. Однако в условиях отступления Соединенных Штатов от поддержки либеральной демократии и международного правового порядка, Европейский Союз был вынужден переосмыслить свою роль как самостоятельного геополитического игрока, который должен самостоятельно нести ответственность за защиту и продвижение тех ценностей, которые формируют ядро европейской идентичности.

Это переосмысление требует преодоления серии фундаментальных противоречий, которые лежат в основе современного кризиса европейской

идентичности. Тем не менее, несмотря на эти вызовы, европейская идентичность имеет существенные резервы привлекательности и мягкой силы. Выраженная в Европейской идентичности, модель либеральной демократии, верховенства права, социального государства и культурного плюрализма остается притягательной для многих людей во всем мире, как и остается эффективным инструментом мягкой силы Европейского Союза.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Аббасов Г.Э.** Современная многосторонность в условиях фрагментации мирового порядка: универсальный и региональный уровни // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 12.
2. **Алаудинов А.А.** Цели и задачи России в специальной военной операции на Украине и в гибридной войне с коллективным Западом // Вопросы политологии. 2024. № 5.
3. **Араев С.И., Титов М.К.** Украинский неонацизм как инструмент политических элит стран Запада в борьбе с Россией // Вопросы политологии. 2024. № 5.
4. **Белов Н.С.** Антисемитизм в США и странах Европы на фоне военной операции Израиля в секторе Газа // Вопросы политологии. 2025. № 7.
5. **Бобохонов К.Н., Младенов С.В.** Внешняя политика Венгрии и парадипломатия Татарстана в тюркском мире // Вопросы политологии. 2025. № 8.
6. **Ванковска Б.** US Geopolitical Grip on the Western Balkans: Spheres and Methods of Countering China's Influence/Геополитическое влияние США на Западные Балканы: сферы и методы противодействия влиянию Китая // Вопросы политологии. 2024. № 7.
7. **Грибкова Л.В.** От Ялтинской конференции к новому миропорядку или великое наследие для будущих поколений: Ялта, объединяющая мир // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 10.
8. **Дибров Е.А.** Специфика трансформации феномена русофобии в информационном пространстве Украины в условиях геополитического противостояния в Восточной Европе // Вопросы политологии. 2024. № 11.
9. **Егоров С.С.** Политика Украины, Российской Федерации и Европейского союза в отношении урегулирования политического кризиса на Юго-Востоке Украины (2014-2022): политико-международный анализ // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 12.
10. **Калачев Е.Г.** Украинский вектор во внешней политике правительства К. Стармера // Вопросы политологии. 2025. № 7.
11. **Медведев Н.П.** Международные конфликты и многополярность мирового порядка // Вопросы политологии. 2024. № 8.
12. **Морозов М.К.** Трансформация внешней политики ЕС как центра полицентричного мира в период украинского кризиса // Власть. 2023. № 2 // <https://cyberleninka.ru/article/n/>

- transformatsiya-vneshney-politiki-es-kak-tsentra-politsentrichnogo-mira-v-period-ukrainskogo-krizisa.
13. **Нисневич Ю.А.** Кто правит миром // Вопросы политологии. 2025. № 12.
 14. **Пряхин В.Ф.** Демократия реальная и мнимая в идеологической борьбе за мультиполярную систему международных отношений // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 9.
 15. **Смелов А.А.** Общеввропейская идентичность в контексте внешнеполитического курса Д. Трампа // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 6.
 16. **Сюй Чан.** The Reconstruction of World Order in the Digital Age: Technological Power, Rule Game, and New Geopolitical Landscape/Трансформация мирового порядка в цифровую эпоху: технологическая мощь, правила игры и новый геополитический ландшафт // Вопросы политологии. 2025. № 9.
 17. **Avila D.** Is the EU likely to become a major international actor? // Onero Institute // <https://www.oneroinstitute.org/content/is-the-eu-likely-to-become-a-major-international-actor>.
 18. Bloomberg. «Europe Talks Nuclear Weapons After US Delivers Reality Check» // <https://www.bloomberg.com/news/articles/2026-02-13/europe-rethinks-nuclear-weapons-after-us-delivers-reality-check>.
 19. Carnegie. Russia Eurasia Center // European Democracy Support Annual Review 2025 // <https://carnegieendowment.org/russia-eurasia/research/2026/02/european-democracy-support-annual-review-2025>.
 20. EU Values and Constitution Identities // UCL Faculty of Laws // <https://www.ucl.ac.uk/laws/events/2026/feb/eu-values-and-constitutional-identities>.
 21. European Union External Action: The Diplomatic Service of the European Union // What we do // https://www.eeas.europa.eu/_en.
 22. Harvard Magazine. International Affairs // Mark Carney on the Limits of Soft Power // <https://www.harvardmagazine.com/international-affairs/harvard-mark-carney-davos-joseph-nye>.
 23. ITIF – Information Technology & Innovation Foundation // How the Brussels Effect Hinders Innovation in the Global South // <https://itif.org/publications/2026/01/26/how-brussels-effect-hinders-innovation-in-global-south/>.
 24. **Kostakopoulou T.** The institutional construction of European identity. In: Citizenship, Identity and Immigration in the European Union: Between Past and Future. Manchester University Press // <https://www.cambridge.org/core/books/abs/citizenship-identity-and-immigration-in-the-european-union/institutional-construction-of-european-identity/A1A75AE964D25DA37F166EDF9A058B1F>.
 25. **Lashyn S.** The effects of enlargement on European Union citizenship // Oxford Academic, 21.01.2026 // <https://academic.oup.com/yel/advance-article/doi/10.1093/yel/yeaf012/8435761>.
 26. Treaty of Lisbon. Amending the treaty on European and the treaty establishing the European community, Article 1a // https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.C_.2007.306.01.0001.01.ENG&toc=OJ%3AC%3A2007%3A306%3ATOC#C_2007306EN.01015501.

К.Е. OXIMOV

PhD student at the Department of International Relations, World Politics and Diplomacy, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

EUROPEAN IDENTITY AS A SOFT POWER INSTRUMENT OF THE EUROPEAN UNION

This article analyzes European identity as a key instrument of soft power for the European Union amid the profound geopolitical transformations of recent years. The study explores the mechanisms of this instrument's functioning, its structural components, its channels of transmission, and the growing challenges that call its effectiveness into question. The paper analyzes the evolution of European identity from the Cold War to the present day and examines its theoretical foundations in the context of Joseph Nye's concept of soft power. The article reveals the paradox between the EU's positioning as a normative force and the practice of using the «Brussels effect» - economic pressure to impose European norms on other countries. Critical challenges to European identity as soft power include the EU's identity crisis, the US retreat from support for liberal democracy, the contradictions between national and European sovereignty, and growing skepticism and mistrust of the European normative project. The study identifies that the future effectiveness of European identity as soft power depends on the ability of the European Union to rethink its own role, integrate strategic autonomy, restore trust in the concept of European identity, and develop adapted mechanisms for transmitting values in the context of a rapidly changing world order.

Key words: international relations, European Union, EU, European identity, identity, integration, politics, soft power.